

Я ИДУ ИСКАТЬ

Кто не спрятался, тот и виноват

18+

Ю_ШУТОВА

Ю_ШУТОВА

Я иду искать

Серия «Премия Русский Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014152

Я иду искать / Ю_ШУТОВА: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-185061-6

Аннотация

Детектив от финалиста премии «Русский детектив 2022» в номинации «Дебют года».

Дело о серийном убийце, которого называют Ганнибалом, становится для майора Полякова настоящей головной болью. За год маньяк успел жестоко расправиться с пятью женщинами, и у полиции нет ни малейшей зацепки. Известно только, что убиты женщины были одним и тем же способом – как будто кто-то разодрал их тела когтями.

Елена, свекровь одной из погибших, догадывается, кто убил ее невестку и других женщин. Но эта догадка настолько невероятна, что убедить Полякова и предъявить доказательства очень непросто. А ведь надо спешить, иначе совершенно точно будут новые жертвы...

Содержание

Поляков	6
Элла	14
Поляков	21
Элла	31
Поляков	34
Елена	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ПРЕМИЯ
**РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Ю_ШУТОВА
Я иду искать

© Ю_ШУТОВА, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Поляков

Пятая жертва

Перебираю бумаги, читаю. Протокол осмотра трупа. «Осмотр начат...», «осмотр закончен...», дата, время, следовательно, «в присутствии понятых...», «при участии судебно-медицинского эксперта...». Один протокол, второй, третий, четвертый. Бумаги шуршат в моих пальцах, неразборчиво перешептываются, переспрашивают друг друга.

Протоколы вскрытия, тоже четыре штуки.

В кабинете темно, только настольная лампа высвечивает белые листы в моих руках. Стекло окна – черное зеркало, в котором я отражаюсь. Сгорбившаяся фигура, воплощение непонимания. Форточка открыта. Дует. Подмерзаю слегка. Шерсть на загравке дыбом. Встать, закрыть. Неохота. Курю. Стряхиваю пепел в банку из-под шпрот. Погружаюсь во мрак. В холодную темноту чужого безумия.

Среди дел, доставшихся мне на новом месте от ушедшего на пенсию майора Горшкова, это самое глухое, самое страшное. «Дело Ганнибала», как его у нас в следственном отделе окрестили. Четыре похожих убийства в течение года. Четыре женских трупа, растерзанных, изрезанных и искусанных, брошенных в каких-то запущенных заросших местах. Я еще плохо знаю город, только пара месяцев, как приехал сюда,

как начал работать. Смотрел в «Гугле», где это все. Разные концы города. Разные женщины. Незнакомые друг с другом, не имеющие ни общих знакомых, ни... да вообще ничего общего между ними нет.

Первая жертва – незамужняя молодая женщина, тридцать пять лет, убита во Власьевой роще, правый берег реки, с одной стороны – гребная база, с другой – городской водозабор, не самое проходное место, но и не пустыня, здесь люди ходят. Она на этом водозаборе и работала. Лаборантка. Февраль прошлого года.

Вторая, пятидесятипятилетняя вдова – на другом берегу возле лодочной станции, жила там недалеко. Май.

Третья, почти девочка, всего семнадцать лет, школьница – возле шоссе, ведущего к известному монастырю. Отстала от экскурсии. Сентябрь.

Четвертая, шестидесятилетняя бывшая балерина, старуха уже, встретила смерть тоже на берегу реки, только в противоположном конце города. Пошла в магазин и зачем-то вышла на бережок. Ноябрь. Прямо перед моим появлением в этом городе.

Характер ранений у всех одинаковый: изрезаны короткими лезвиями, множественные неглубокие, но болезненные порезы и, что самое интересное, укусы. Следов сексуального насилия нет.

Первой жертве убийца отрубил голову. Чем? Остальных забил, размозжил черепа, как написано в протоколах, тупым

предметом. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено. Унес с собой? Отпечатков пальцев нет, зато есть образцы ДНК. Только в базе ДНК-профилей они не зарегистрированы.

Передавая мне дело, Горшков не пытался скрыть радость от того, что избавился от него. Так и сказал:

– Ну все, Алексей Федорович, это теперь твое. А я постараюсь поскорее забыть весь этот кошмар. Поеду на дачу, наберу с собой фантастических романов, про попаданцев, например. А еще лучше про эльфов, драконов, оборотней и этих, как их... темных дев. Затоплю печь, откупорю шампанского бутылку и буду читать.

Что я ему мог ответить? Сказал:

– Счастливого пути.

А он мне с ухмылкой:

– Счастливо оставаться.

Остаться с делом о серийном убийце.

Делов-то на копейку, вычислить и поймать Ганнибала, а уж за обвинением дело не станет. Вычислить и поймать...

* * *

Семь утра. Дождя вроде нет. Тоже мне зима. Февраль через неделю, на улице плюс пять, а снега ни грамма. Снег – это вообще фейк, его не существует.

Бегать собрался, уже кроссовки надел – звонок. Еще один

труп... Адрес? Ясно... Отбегал я на сегодня. И еще кто-то отбегал навсегда. Пешком дойду, два квартала от моего дома.

Пересек двор. Вон наша машина стоит, ребята возле нее курят. Неподалеку стол деревянный с лавками, раньше за такими мужики козла забивали. Давно уж ни тех мужиков, ни манеры во дворе в домино играть нет, а столы эти по-прежнему ставят. Сила традиции. На лавке мужик сидит лет пятидесяти, сразу видно, опоек – рожа опухшая, помятая, свежий бланш на скуле. Мужик качается, обхватив башку руками, и воет. Утробно, хрипло, безнадежно. Рядом баба крутится, тоже, наверное, синюха, как и мужик, в трениках и тапках. Она его все обнять пытается, бормочет ему что-то, успокаивает, а он ее руки отталкивает и все воет и воет.

Я поздоровался с ребятами, спросил, кто это, мол, развылся тут, а Костя Семенов мне: «Это муж трупа». Остряк недорезанный.

– Ты, Семенов, свои шутки гоблинские брось, еще бы «ушиб всей бабушки» вспомнил.

– Да уж, Федорыч, там действительно ушиб всей... Сходи посмотри, эксперт уже закончил. Это муж ее нашел, вот и воет. Я показания его записал. Там, правда, и писать-то особо нечего было, пришел-вошел-нашел. Только это... я не грязный гоблин, я гордый орк, запомни уже.

Пошел смотреть... Тело лежало в дворницкой. Хотя какие теперь дворницкие... Какие дворники, такие и дворниц-

кие. Небольшой закуток без окна, метров шесть квадратных, железная дверь прямо из подворотни. Лопаты, метла, ведро с песком, пачки соли, чтобы лед посыпать. Еще барахло, не распознаваемое в тусклом, пыльном, каком-то больном свете. Лампочка гнойно-желтой каплей свисает с кривого черного провода, торчащего из низкого потолка. Продавленное кресло под вытертым драным покрывалом. Большая плоская перевернутая банка из-под селедки, давно таких не видал, а вокруг – россыпь старых вонючих хапцов.

И мертвая тетка. Тоже явно алкоголичка, на вид – к полтиннику. Толстая, морда опухшая, на ногах носки вязаные, шлепанцы резиновые свалились, спортивки «Адидас» с китайской барахолки, растерзанная безразмерная флиски несуразно-розового цвета. И все в кровище. На полу из-под тела огромное пятно натекло, лампочка отражается в черной луже, будто всплывает рубин, змеятся золотые сполохи по граням. Повсюду бурые пятна – на разорванных в клочья тряпках, на теле, торчащем наружу из прорех, на ее лице, на стенах, на лопате.

Я взял за черенок, за самый верхний его кончик, лопату, прислоненную к стене возле головы трупа. Обычная штыковая лопата, такой в огороде копают, канавы роют, что еще... червей для рыбалки можно. Эта лопата – и черенок, и сам штык – вся была в крови.

– Он ей голову лопатой отсек. Почти отсек, на каждом лоскуте держится. Еще живую ударил, поэтому крови столь-

ко вытекло.

Криминалист – я все не мог запомнить его фамилию, Ширяев, что ли, – поднялся из темного угла серым призраком. Я и не заметил его в пыльном мраке.

– И еще. – Он подошел ко мне. – Посмотрите на раны на ее лице и руках. Не на эти, не на резаные, с ними все просто. Какой-нибудь короткий нож, острый, что-то типа скальпеля. Даже нескольких скальпелей – по ходу, он по-македонски с двух рук ее резал. Посмотрите на раны вон те. Видите?

Он присел возле тела и ткнул пятерней в синей латексной перчатке прямо в лицо покойнице. Я наклонился. Это явно были следы зубов.

– Укусы? Собаку натравили?

– Нет, Алексей Федорович. – Вот он-то меня запомнил, даже имя-отчество, а я его нет, стыдоба. – Нет, не собаку. Я по форме укуса вам сразу скажу, это человек. Это он сам, убивец наш, ее покусал. Понимаете, к чему я?

Понимаю. Ганнибал, маньяк Горшкова, от которого он, можно сказать, скоропостижно сбежал на пенсию. Тот, на котором висели четыре трупа, четыре дела, объединенные в одно. Теперь пять.

Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать. Кто не спрятался – я не виноват.

Выхожу во двор. Подъехала труповозка. Санитары шли мне навстречу, тащили свои скорбные причиндалы – носилки и упаковочный пакет на молнии. Пришлось посторонить-

ся, ступив в лужу.

Подошел к своим. Ширяев, или как его там, попрощался, пожал руки Семенову и мне.

– Протокол осмотра у вас, Алексей? Все остальное завтра, завтра... Я поехал.

И сел в кабину труповозки.

– Ну что, Семенов, муж – первый подозреваемый?

– Не думаю. Ты протокол-то почитай. Там вокруг все за-топтано, прямо по пятнам крови. Следы кроссовок сорок второго размера, а у этого... – Он махнул рукой в сторону мужика. – У этого сорок пятый, я проверил.

Сам знаю, что не этот спившийся бедолага уконтрапупил свою бабу. Если б он, значит, и остальные на нем, а на Ганнибала опоек не тянул. Куда ему. Но так или иначе, а поговорить с ним придется. Пошлепал по грязной размазне в сторону стола с лавками. Мужик уже не выл, а тихо скулил побитой собакой. Тетка сидела рядом с ним, обняв, прижимала его голову к своей груди.

Не успел подойти. Санитары вынесли тело во двор, потащили к труповозке. Мужик вскочил, с воплем кинулся к ним, тетка бросилась следом. Ребята остановили его, а он рыдал в голос и все рвался туда, к черному пластиковому мешку, который грузили в машину. Я остановил бегущую женщину. С этим не поговоришь, так хоть с ней. Представился. Глянул в протокол, составленный Семеновым, кем она приходится мужику – Яковлеву Сергею Николаевичу.

– Я его мать, – говорит.

Надо же, мать. А мне казалось, они ровесники. Еще раз глянул в протокол на год рождения этого Яковлева. Ему, значит, тридцать пять всего. А тянет на полтинник. Я пошелестел листами. Вот: Феоктистова Елена Васильевна, действительно мать, пятьдесят с хвостиком, адрес, образование высшее, место работы – прочерк.

Лучше всего разговаривать со свидетелями сразу, на месте, пока у них в мозгу держится свежее восприятие события, пока не наложились поверх картинки ложные воспоминания, собственные домыслы, чужие идеи. А то иной раз такого навспоминают. Начнешь анализировать, а это вообще из кино типа «Бригады».

– Елена Васильевна, я могу с вами поговорить?

– Нет, конечно, вы же видите – не до вас. Мы сами к вам придем завтра или послезавтра. Скажите, куда прийти.

Отмахнулась, даже не глядя на меня, вся обращена туда, где бьется в руках Семенова ее обезумевший сынок. Я ей визитку сунул, и она, кивнув, убежала к своему чаду. Шлепала тряпичными тапками по слякоти, не глядя под ноги, разбрызгивая ошметки грязи – спешила успокаивать, держать, спасать.

Элла

В первый раз

Час ночи на дворе, а эта стерва орет, разоряется на весь двор. Из подъезда вывалилась, жаба жирная, и давай хрипеть-сипеть, и все матом. Сверху из форточки ей:

– Уймись, шалава!

Так она еще громче давай. Мерзкая тварь, злая, красным фонит, под красным – желтая подложка страсти. Сука похотливая, лает, потому что потрахаться не удалось. Ненавижу...

Тут окно на первом этаже открылось, мужик оттуда выставился, рожа пропитая. Я далеко стою, на тропинке за кустами, а и отсюда вижу – алкаш. Он тоже вопить принялся:

– Элка, дура, бля, куда поперлась?! Домой давай иди, стервозина!

И тоже мат через слово. Вернее, слово через пару матов. Во парочка – баран да ярочка. Нажраться, водкой залиться, подраться, потрахаться. Скоты.

Эта Элка ему в ответ от локтя отмахнула:

– Во тебе, домой!

Меня ненавистью, как кипятком из душа, с головы до ног ошпарило. Чувствую, в глазах розовый туман поплыл, адреналин в кровь ударил пушечным залпом, в затылке молоко застучал – перекидываюсь! Куда? Когда? До полнолуния

больше недели еще! Сейчас вообще луны нет, безлуние абсолютное, небо как чернозем! Так не бывает!

Бывает, оказывается...

Когти вытягиваются, зубы. Шерсть на загривке вздыбилась. Запахи в нос хлынули. Мокрый сизый запах бесстыдной неприкрытой земли под лапами. Серый, смешанный, перебитый – подвальной холодной гнили и теплой кухонной сыти от домов, кислый лимонный дух похоти от этой бабы, стоящей в двух прыжках от меня.

Она пошкандыбала вдоль дома прочь от своего подъезда, мужик поорал ей вслед немного, потом крикнул:

– Ну и пошла на х..., прошмандовка, домой не пушу! – и окно захлопнул.

Бежать за ней, догнать, броситься, загрызть...

Она в подворотню свернула. Там дверь. Вытащила ключ из кармана, отпирает. Я уже рядом совсем, ноздри забиты ее кислой вонью так, что пришлось глотать воздух через пасть, иначе задохнусь. Она не чувствует меня – я сзади, в темноте.

Скрипнув, отъехала железная створка. Прыгаю ей на спину, вталкиваю в узкую захламленную клетку. Дверь захлопнулась. Ты в западне, сука, тебе не уйти. Она падает на пол, кричит. Никто тебя не услышит, тварь. Рву ее когтями, зубами, захлебываюсь ее кровью, бьющей мне в пасть. Соленой, свежей, чистой. Вкусной. Добраться до горла. Перегрызть. Она дернулась в последний раз, затихла. Только кровь толкается из перекушенной артерии. Последняя.

Все.

Перекидываюсь обратно. Открываю дверь. Ухожу.

Он называл ее Элкой, эту спившуюся похотливую сучку. Ее звали Элкой, Эллой. Это все и решило. Завопи тот пропойца из окна «Катька» или «Танька» – и она, возможно, осталась бы жива. Возможно. Я бы прошла мимо. Но Элла – мое имя. Только мое.

* * *

Я всегда была Эллой. Сколько себя помню. Правда, никто об этом не знал, даже мама. Они называли меня разными именами. Другими. Неправильными. Но я не спорила. Откликалась. Пусть. Я-то знаю, кто я.

Я – Элла. Я – оборотень.

Правда, перекидываться я начала не так уж давно. Сколько лет с первого раза прошло? Пожалуй, около пяти, я тогда строительный колледж заканчивала. Ага, колледж! Одно название. Как была путяга, так и осталась.

Тогда тоже зима была. Вечер, часов девять, темно. Я после тренировки бегаю – «заминка» называется. Холодища тогда была, не то что нынешние сопли. На улице никого, пусто. Бегу, хрусть-хрусть, слежалый снег под ногами, нос морозом обжигает. По улице вдоль школы-интерната, а там решетка высокая и вдоль нее кусты. Сирень, наверное. У нас в городе кругом сирень.

Вдруг за кустами звуки какие-то, возня и что-то вроде мычания, страстного такого, но негромкого.

Я встала.

Верно говорят, любопытство кошку сгубило. Вот бежала б своей дорогой, может, ничего бы и не случилось. Но нет. Полезла через голый куст, а он густой, зараза. Пробую потихонечку, чтоб не услышали. Продралась, смотрю сквозь решетку. Здесь самый дальний угол, сюда снег с территории школы сгребали всю зиму. Кучи высоченные, укатанные, с них на санках съезжают. Тут как раз из-за крыш луна вылезла – круглая, пузатая, тяжелая. Снег высветлила. Между этими кучами, так, что не видно ниоткуда, разве что из куста, там, где я притаилась, мужик девку убивает. Я сразу поняла, что убивает. Она голая на снегу лежит, руки у нее связаны чем-то и рот забит или заклеен. Это она мычит, кричать не может. Мычит и извивается вся, спиной своей голой по снегу елозит. А он ее ножиком режет неспешно. Вот так ведет лезвием сверху вниз от груди по животу. Кровь выступает и струйками стекает. И вся она уже в кровавых ручейках, и снег вокруг сочный, как гранат.

Мне сначала страшно стало. Очень. Я просто прилипла к месту, убежать не могу, глаза закрыть не могу, смотрю. Горячо мне становится, будто вливают в вены яд, он жжет меня повсюду, в каждой клеточке. Тело корежит. В голове набат – бум-бум в затылок, – и туман наплывает. Картинка сбоят, то далеко, кажется, то прямо перед носом – руку протяни,

и вляпаешься в кровь. Я и протянула. Захотелось в кровь обмакнуть, горяча ли она. Гляжу, а это и не рука уже. Когти длинные, черные, острые. На четвереньки упала. Нет, на лапы. И в нос, только что отмороженный, бесчувственный, хлынули запахи. Много запахов. Оглушили грохотом. Я и не подозревала, что запахи имеют цвет, да еще и звучат. Раньше что? Ну, кофейком бочковым из буфета тянет, в столовке – рыба жареная, рассольник. Просто, обыденно. А тут все сразу по-другому стало.

Снег. Он сиреневым звуком пахнет. Тихим, бесконечным, таким: «А-аа, а-аа», – как музыкальная шкатулка игрушечная. От мужика того, убийцы, – бурной радостью, восторгом бьет. Чистым, синим, без примесей, громко, литаврами. А девка кислая – лимон, челюсть сводит. Я сразу поняла, так пахнет похоть. Она этого мужика хотела, завлекала, думала, он ее трахать будет, открывалась перед ним. А он ее... Ха-ха... Дура! Так тебе и надо. Мне захотелось прыгнуть на нее, разорвать это голое голодное тело, исходящее кровью и белой ледяной болью. Кусать его, грызть, почувствовать его вкус...

Стало весело.

Я ломанулась сквозь черные ветки обратно на дорогу, помчалась, вывесив язык. Мне было жарко, от шерсти валил пар, я это чувствовала. Меня гнала радость – буйная, животная.

Сколько времени я бежала, где, куда, не знаю. Как пере-

кинулась обратно, не помню.

* * *

«Убийца всегда возвращается на место преступления...»
Смешно.

Вот я и правда вернулась, шлепаю с утра через тот же двор, где вчера это... Ничего, что я почти каждый день тут хожу в контору свою? С улицы в арку между банком и книжным магазином – и по дорожке, меж луж лавируя, в глубине двора, чтоб срезать. Да и не я одна. Вон впереди пара теток труси2 т... Во встали. Жалом водят: «Чей-то? Полиция, че ли? Случилось че, а?» Козы любопытные. Случилось, случилось... Еще как случилось.

Вон полицаи шебаршатся. У машины покурить встали.

Вон еще один подошел. Здоровается, ручки жмет. Где я его видела? Высокий. Стройняшка, не раздавшийся в брюхе. Куртка моднявая, овчинная кожа, тонкая, серая, не дешевый куртец. Повернись-ка, дай рожу глянуть... Повернулся. Точно видела. Вроде недавно совсем. Ничего такой. Лет тридцать пять – тридцать семь. Волосы давно не стриженные, лохматые, каштановые. Лицо жестковато. Ну, это понятно, мент – не кисейная барышня. Глаза зеленые... Хотя нет, глаз его я отсюда разобрать не могу, далеко. Но они должны быть зелеными. Холодными и яркими. Как ряска на болоте, под которой скрывается трясина.

Трясина... Держись подальше, Элла.

Поляков

Живи один

– Ага, сорок второй размер – женская ножка! Прямо Золушка. Это у меня сорок второй. – Костя хохотнул, споласкивая стаканы.

Я вечером к Косте Семенову зашел. У нас квартиры в одном подъезде. Он один живет, и я один. Только у него своя, а у меня служебная. Казенный дом, так сказать. Пива взял, зашел.

Спросил его, проверил ли он размер ноги Феоктистовой. Если «мужа трупа» он из подозреваемых сразу исключил по причине слишком большой стопы, то что насчет свежести? Может, это не Ганнибал. Может, это она метнулась за «красавицей-невесткой» и того, размазала ее по дворницкой. Дела семейные – всяко бывает. Тоже версия, пока других не нарыли.

– Ладно тебе, Костик, сейчас у девок знаешь какие лапы отрастают. Вот у моей...

Я осекся – все никак не могу привыкнуть, что не моя она больше. Ничья. А может, уже и чужая.

– У моей бывшей тоже сорок второй. А у меня сорок третий – так она постоянно мои кроссовки таскала. У нас и комплекция, в принципе, одинаковая, разве что в талии она по-

уже. И футболки мои, и джемперы надевала.

Семенов фыркнул:

– Ты, наверное, себе «Дольче и Габбану» покупал, а ей чего попроще, по остаточному принципу, вот она и паслась в твоём гардеробе. Я б не дал жене свои шмотки тырить.

– Дурак ты, Семенов. Жадный глупый гоблин. Она мои тряпки носила не потому, что они лучше, а потому, что они мои. Понятно?

– Понятно. Только я не жадный глупый гоблин, я жадный глупый орк. Вот!

Он ткнул пальцем в фотку в рамочке в виде киношной черно-белой хлопушки. На фотке – тоже черно-белой и поэтому смахивающей на кадр из старого фильма – орк. Оскаленная морда, черная шкура на плечах. Занес меч над стоящей на коленях женщиной. Руки ее связаны за спиной, платье в грязи, распущенные волосы закрывают лицо. Орк явно собирается рубить ей голову. Фотка очень четкая, резкая. Лучше всего читались веревка, стянувшая запястья жертвы, и занесенный над тонкой белой шеей меч.

Мой приятель Костя Семенов – орк Углюк, ролевик, активный участник хишек, хоббитских игрищ.

А чего ему? Парнишка еще молодой, три года как в Питере отучился, в родной город вернулся, следователем в ОВД работать начал. Жены нет, детей нет. Самое время в такие игрушки играть. У них тут в городе клуб – «Эгладор» вроде. Там толкнутые собираются, толчки – в лес ездят, хишки

свои устраивают. Я Костю спрашивал, почему орк, а не благородный эльф, к примеру, или там Арагорн какой-нибудь. Он говорит, такая квента. Биография, в смысле, лучше. Во-первых, подвижности больше. Чем проще персонаж у Профессора – у Толкина то есть – прописан, тем шире им двигать можно, придумывать свое. Если ты король, что ты можешь? Только на троне сидеть. А если ты мелкий бродяга или рядовой воин, ты любую квенту себе придумать можешь. А во-вторых, он, видите ли, злобный и мрачный тип. Ну, это он себе льстит. Хохмач и дамский угодник он, все девушки в ОВД от и до, включая кадровичку Марту Францевну, корпулентную даму в летах и погонах старлея, поголовно от него в восторге.

– Но вообще-то, Леха, эту дворничиху не совсем так, как остальных теток, грохнули. Разве что голова... Этот Ганнибал ваш ей голову, как Ире Поспеловой, оттяпал. Или не Ганнибал. Может, подражатель. Всех – в зарослях, условно говоря, в лесу возле реки, а эту – посреди города, в закрытом закутке. Всех – между шестью и девятью часами вечера, а эту – среди ночи. В общем, есть разница.

Ирина Поспелова – первая жертва в этом деле. Убита на развалинах часовни во Власьевой роще девятнадцатого февраля прошлого года. Укусы, многочисленные порезы, причина смерти – удар острым рубящим предметом по шее. Я протоколы по Ганнибалу почти наизусть выучил.

– Погоди-ка, Костик. На то дело ты не выезжал – не ва-

ша епархия. Протокол осмотра подписывал... сейчас напрягусь... Голиков, что ли... Не важно. Но точно не ты. Откуда знаешь?

Семенов наклонился, потянул бутылку пива из сумки-холодильника, стоявшей на полу у нас под ногами. Мы сидели на диване перед теликом, по которому крутился вечный боевик – беготня с автоматами, взрывы, вертолеты, перекошенные рожи героев... Звук был выключен.

– Да брось, Леха. Про Ирочку Поспелову ваще весь город знает. Спасибо Жорику Веснянскому – это корефан мой, одноклассничек, журналюга. Он на портале «Город ньюс» статью повесил. Было о чем писать. «Невиданная жестокость! Первое дело маньяка! Будут новые жертвы! Куда смотрит полиция? Мать убитой пыталась покончить с собой – выпила жидкость для прочистки труб. Откачали, теперь несчастная овощем в психушке в Топорках сидит. Я, Жорж Веснянский – он, ей-богу, Жоржем подписывается, – буду держать вас в курсе расследования». Короче, поспешил хайпануть на материальчике. Но это не я ему насвистел, чесслово. Ваще не из наших. Это кто-то из вашей конторы инфу слил. Потом Жорке по шапке дали, он заткнулся, ни про вторую, ни про третью жертву ничего не писал. Ни он, ни кто-либо другой. А то бы город на уши встал: маньяк-убийца среди нас! Пиво бери. – Он протянул мне открытый пузырь.

Но пива больше не хотелось. И разговаривать больше не хотелось. К черту все. Выдохся. Спать, что ли, пойти? Зав-

тра день длинный будет. И начну я его в кабинете у шефа, получая превентивную профилактическую головомойку.

– Слушай, пойду-ка я до дома, выплюсь. Пока.

– Ладно. Пиво тока возьми. Открытое же...

Я взял открытую бутылку «Жигулевского» и побрел к себе. Поискал, что надеть завтра, майку свежую и джемпер. Два месяца живу здесь, в этой квартире, а еще чемодан до конца не разобрал. Так он и лежит в углу на полу. В нем половина моих шмоток, которые еще не надевал, сверху на крышке – грязные, те, что в стирку. Машинку зарядить бы надо, а то скоро носков чистых не останется. Но не сегодня. Потом как-нибудь.

Вот Светка, моя бывшая, сама не своя до порядка была. Ей главное, чтоб, как она говорила, горизонтالي были пустыми. Пустота – это и есть порядок. Не позволяла кучам скапливаться – ни шмотью, ни посуде на кухне.

Эх, Светка, Светочка, девочка моя, когда я уже привыкну жить без тебя?

* * *

Мы с ней познакомились за гранью памяти, в песочнице или на качелях во дворе, где нас мамочки выгуливали. Хотя нет, у Светки была няня – толстая, румяная, вся такая сдобная. Хохлушка, жена сапожника. Он в подвальчике на углу сидел, мы бегали к нему выпрашивать стертые подковки на

счастье. Представляете? Настоящие металлические подковки! Блестящие и от стертости острые как бритва. Сейчас таких не увидишь. Как няньку звали? Оксана? Или Алена? Не помню. Потом мы со Светкой, взявшись за руки, в школу пошли. Сидели за одной партой. Паслись постоянно то у нее, то у меня дома. Мы все время были вместе.

Даже пытались целоваться как-то после дискотеки в девятом. Не заискрило. И вот тут что-то сломалось. Нам стало неудобно друг с другом. И мы разошлись, почти перестали общаться, только «привет – привет». У нее – своя компашка, у меня – своя.

После школы я в армию ушел. Потом, как вернулся, сразу в милицию устроился. Ну и вышку, образование, получить решил, в студенты подался. А через два года уехал в Питер, перевелся из нашего филиала в главный вуз, в университет юстиции. Со Светкой не виделся, не срослось как-то. Да и не вспоминал о ней вовсе.

В Питере чуть не женился. Теперь понимаю, повезло, а тогда переживал очень, думал, это любовь.

И вот я возвращаюсь домой, с поезда прусь, сумарь огромный на плече, запарился. И во дворе сразу на нее натыкаюсь. Навстречу идет. За спиной солнце летнее, волосы золотом сияют. И улыбка... Я не то что обалдел – я прямо схлопнулся, задохнулся, настолько была хороша. Она не шла, а плыла сквозь поток света. У меня в голове дурацкий каламбур закрутился: «Света соткана из света». Встал столбом, рот ши-

ре ушей.

– Светка, привет! – кричу.

Она мне:

– Привет. Ты вернулся?

Не знаю, что она имела в виду. Скорее всего, ничего, просто вежливость. Но я услышал: «Ты вернулся ко мне?» Да, осенило меня, именно к ней я и вернулся. Именно она мне нужна. Сейчас. И навсегда. А все, что до этого момента было, – хмарь, сон, пустое. Я и брякнул:

– Выходи за меня замуж, Светка.

Она рассмеялась колокольчиком:

– Я подумаю, Алешка. Пока.

Рукой махнула, ушла. Она решила: я пошутил.

Ничего подобного. Я вечером пришел к ним. С букетом. К матери ее. Говорю:

– Теть Зоя, я на Светке жениться хочу.

Та тоже смеется, мол, шуточки у тебя, Алешка, дурацкие, казарменные – прапорщик Задов прям. А тут Светка из своей комнаты вышла, тихонько так, на косяк в дверном проеме оперлась. Стоит серьезная такая, бледная. И говорит:

– Я согласна, мама.

Я никогда ее не спрашивал, почему она согласилась. Я вообще никогда не спрашивал, как она жила все это время без меня. Не знаю почему. Может, боялся узнать как.

Свадьбу сыграли, квартиру сняли здесь же, в нашем дворе. Удобно, родители рядом. Нам даже не нужно было при-

выкаты друг к другу, приспособливаться, придумывать свой язык – все это у нас уже было. Мы десять лет прожили. Десять! Хорошо жили. Я думал, что хорошо. Дружно. И не ругались никогда. Детей только не было. Ну, не было и не было. Не всем дается. Эту тему мы не обсуждали. У нас дача была. Когда время было, ребята приезжали, рыбалка, шашлыки, закусон с огорода.

А однажды я домой пришел с работы, поздно уже. Дел много накопилось, надо было разгрести, я неделю домой к одиннадцати приползал никакой, в душ и спать. Захожу в комнату. Светка в кресле сидит в пальто и сапогах. Осень началась, холодно, топят плохо.

– Ты что, – говорю, – замерзла?

А она:

– Нет. Я ухожу от тебя. Вернее, уже ушла. Ждала, чтобы сказать.

Я смотрю, а в шкафу ее вещей нет. Она взгляд мой отследила:

– Я уже все собрала и к маме отнесла.

Я только рот открыл, чтоб вывалить: «Ты что, сдурела? Почему? Куда? К кому? Что случилось?» Но не успел.

– Не хочу больше. Устала, надоело. Я же на самом деле давно одна живу. Ты всегда где-то. Работа, работа, даже когда дома, тебя все равно нет. Говорю – ты не слушаешь, не слышишь. Мы не вместе. Это иллюзия, самообман. Такое одиночество вдвоем хуже настоящего одинокого одино-

чества.

Ключи от нашей квартиры на тумбочку положила и ушла. А я остался соляным столбом стоять. Да как так-то? Без всяких разговоров, без намеков, без выяснения отношений, терок-перетерок. Даже не «не могу так больше», а «не хочу». Нормально? Просто бросила меня в одночасье и ускакала новую жизнь строить. Без меня.

Обозлился я тогда здорово. Но за Светкой не побежал. Что я, канючить, вымаливать, что ли, должен? Что я, Васи-суалий Лоханкин, что ли: «Варвара – самка ты, к Птибурду-кову ты уходишь от меня»? А чуть позже злость моя рассо-салась. Права Светка: таким, как я, нельзя жениться. Если живешь на самом деле на работе, а домой только спать приходишь – да и то она, сука проклятая, работа ментовская, сидит у тебя в башке, – если жену свою словно сквозь ва-ту слышишь, в мозгу свое крутишь непрерывно, безостано-вочно, а семейные коллизии досадной мелочью считаешь, то нечего и семью заводить. Живи один, волчара.

Так что развелись мы быстро, без скандала. По обоюдному согласию, получается. Вот только видеть свою бывшую жену спокойно я не мог. Встречать ее посреди двора, здоро-ваться, спрашивать, как дела. Еще, не дай бог, расскажет, как у нее дела. Да еще в подробностях. У меня все внутри узлом сворачивалось, когда случайно натыкался на Светку на дорожке у детской площадки – единственный вход-выход со двора на улицу.

В общем, как подвернулась возможность, перевелся в другой город, в другую область, подальше, за триста верст. Думал, полегчает.

Элла

Уметь отказаться

Как же меня вчера угораздило? Разве в безлунные ночи возможен переход? Никто и никогда не перекидывался так. Наверное, никто. Никогда про такое не слышала. Что же послужило толчком? Эта мерзкая жаба? Внезапно закипевшая во мне ненависть? Отвращение? Жажда избавить мир от нее, раздавить, как вонючего клопа? Ни вчера, ни сегодня утром я этими вопросами не задавалась. Когда вернулась домой, просто влезла под душ, в голове вообще не было ни одной мысли. Кысику корма подсыпала. Он, правда, не вылез из-под дивана, затихарился там. Я настаивать не стала. Спать ушла.

Сегодня с работы прихожу – котейка так бочком-бочком ко мне. Маленький еще, пятый месяц всего. Вчера, понятно, испугался – от меня незнакомым духом, зверем пахнуло, все чужое. Он не понимал, я это или уже не я. Сегодня обошел вокруг, ноги мои обнюхал. Смотрит на меня круглыми зелеными крыжовинками своими – не будет ли подвоха, не стану ли я опять зверем. Опасается. Я ему ладонь протянула – сначала отпрянул, потом потянулся носом. Признал. Даже погладить себя позволил. Потому что пока маленький. Что-то будет, когда подрастет? Поживем – увидим.

Давай-ка, кысик, мы с тобой чайку заварим, в пледик замотаемся и на диван – кинцо смотреть. Какое? А тебе не все равно? Мне вот совсем без разницы. Лишь бы вертелось на экране, бурчало вполголоса, отвлекало от мыслей, как, почему...

И переход-то был не такой, как обычно. Ни радости я не испытала, ни удовлетворения. Разбитость какая-то. Сегодня целый день на работе просидела, как в вате. Заторможенная. Мне что-то говорят, а я не понимаю, будто чирикание птичьё, никакого смысла в словах не улавливаю. На меня уж смотреть косо начали. Пришлось сказать: простыла, вроде грипповать начинаю.

В теплом коконе угнездилась, котейко под мышкой уютно устроился, мурчит. Ткнула в пульт – «Обыкновенное чудо» идет. Нравится тебе, кысик?

– Мрым-мрым, – нравится.

И мне нравится. Один из моих любимых фильмов. А знаешь, кысик, почему? Медведь – он, как я, в чужом теле заперт. Скван. Тяжело ему там внутри ворочаться, тесно. Мучается зверь. На все готов, лишь бы обратно в себя вернуться, на свободу выйти. Понимаешь?

– Мрым-мрым, – понимает.

Но он упустил свой шанс, заметался, задергался туда-сюда – то бежать прочь, то ломиться сквозь стену обратно. Потерял единственную возможность вывернуться из оков, из плена. Дурак! Жаль Медведя. Останется он со своей Прин-

цессой навек несчастным...

О, кысик, смотри, самое лучшее место в кинe. Я прибавляю звук, чтоб котка все хорошо расслышал. Диалог Волшебника и Медведя:

– А что сделал ты из-за любви к девушке?

– Я отказался от нее.

Вот это правильно очень. Отказаться от того, кого ты любишь. Отпустить на свободу. Не привязывать к себе. Да, кысик, согласен?

– Мрым-мрым, – согласен.

Вот и я откажусь от тебя. Скоро уже. Подрастешь, и откажусь. Если успею. Надеюсь, успею. А пока давай просто смотреть кино.

Еще мент этот... Не идет из головы. Путает и без того взбаламученные мысли. Там, утром, во дворе, он меня не видел, не почувствовал. Ему не до того было. Работа – свежий трупешник, «опись-про2токол». Зато я его хорошо запомнила, срисовала на внутренний планшет, приколола фоточку кнопочкой на черную доску подсознания. Тут он у меня, в башке. Мешается занозой, саднит. Глазенапами своими, зелеными прожекторами ворочает, высвечивает закоулки моего разума, вытаскивает давно в пыльные кучи сваленное барахло воспоминаний. Тревожит.

Не хочу вспоминать. Уберись от меня. Не ковыряйся в старье. Изыди. Исчезни.

Поляков

Рубиновое пиво

Глотнул «Жигулевского» прямо из горлышка, искал какую-нибудь закуску. Пусто. В холодильнике только полпачки масла и докторская колбаса. Хлеб есть? Нет. Бутерброд не складывается. Пошарил на кухне, нашел открытую упаковку чипсов. Неделю, наверное, тут валяется. Попробовал – дрянь. Они влаги из воздуха набрали, даже не хрустят, жуешь, как губку для мытья посуды. Выкинул в ведро. Долой! Придется так, голяком пить. Допью – и спать.

Завтра, как говорится, снова в бой. Завтра свидетели придут, Яковлев и Феоктистова. Надо будет с ними побеседовать пристально. Так, чтоб они вспомнили все, даже то, о чем, может, и сами не подозревают. Они будут рассказывать, а я их рассказы – просеивать через мелкое ситечко, выискивать крохотные кристаллики смысла, выдергивать пинцетиком тонюсенькие зацепочки. Если повезет.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни потом они не пришли. Ни Феоктистова, ни сынок ее. Время шло. Я звонил и ей, и ему, но телефоны не отвечали.

Зато пришли результаты экспертизы ДНК. Это был он, Ганнибал. Совпадение с предыдущими случаями, как любят говорить в фильме «След», сто процентов. Они там, в кино,

вообще молодцы, где они видели совпадения в сто процентов? Максимум девяносто девять и девяносто девять сотых. Но всегда остается одна сотая процента сомнения. Эти игры с генотипами, с ДНК – это все здорово. Если преступник пойман и можно сравнить. Классика жанра.

Мы еще на третьем курсе эту забавную историю проходили, она во все учебники вставлена: в одном английском городке, черт его знает в каком, изнасиловали девушку. А дело было как раз на заре эпохи ДНК-дактилоскопии, в конце прошлого века. Ну и провели анализ биологического материала преступника, снятого из... э-э-э... с жертвы, в общем. А потом всех мужиков этого городишки прогнали через анализ ДНК. Уж не знаю, кружки в барах они изымали или по домам ходили с ватными палочками, а только гада того вычислили. Правда, пришлось его хорошенько к стенке прижать, чтоб он еще и сознался. Ну, уж прижали как-то. Сознался.

Я было решил сам навеститься в семейку свидетелей. Сколько можно ждать? Но тут она заявила, Елена. Не в кабинет. Она ждала меня на улице. Я на обед собрался, только за порог шагнул – навстречу женщина. Красное пальто, серая шляпа, поля низкие, глаз не видно, только губы – яркие, сочно-алые, в тон пальто, четко очерченные. Кто такая? А она:

– Здравствуйте. – И, видя, что не узнаю, добавила: – Я Феоктистова. Вы хотели поговорить. Я пришла. Извините,

раньше не получилось.

«Ниче се», – думаю. Я бы ее ни за что не признал. Где та тетка в дешевых трениках и тапках-лаптях?

– Ну, давайте поднимемся ко мне, – говорю.

Она мнетя:

– Может, лучше в кафе зайдем?..

Я должен быть добрым, покладистым, согласным. Именно такому собеседнику люди все рассказывают. Пластилиновым надо стать. Вылепить из себя такого же человека, как тот, которого пытаешься разболтать. Заговорить на его языке. Чтоб без трудностей перевода. Легче всего общаться с теми, кто похож на нас. Возникает иллюзия, что тебя понимают. Надо стать собеседником, а не следователем.

Я тоже помялся слегка – вроде как раздумываю, не решаюсь.

– Ну, не знаю даже... Ну ладно, давайте в кафе. Тут недалеко «Лесная сказка» есть. Идемте.

В кафуху эту мы частенько обедать ходим. Там и комплексные обеды – пардон, бизнес-ланчи – дешево и сердито – и котлетки с пюрешкой, и суши с роллами, и гамбургеры – в общем, на любой вкус. Даже кофе с пирожными есть. Если хошь, и навынос. Видать, хозяева всем угодить пытаются, чтоб ни одного клиента мимо себя не пропустить. Жаль только, сейчас мне пожрать не придется, а я б очень не против, с утра только один бутер с докторской заглотил плюс чаек. Свидетель, он – птица капризная, привередливая. Его

заговаривать, направлять надо, дирижировать разговором. А как я буду с набитым ртом направлять? Вилкой дирижировать? Чуть что не понравится – и захлопнется, не будет говорить, зажмет что-нибудь важное. Упущу нить. Так что закажет она кофе – придется и мне кофеек хлебать, хоть я его и не люблю особо. Ладно, потерпим, потом пожру по-божески.

Пришли мы в «Сказку», сели у окна, за единственный свободный столик. Народу – уймаща. Правильно говорят, народ голодает. Вон сколько голодающих сбежалось. Запах стоял одуряющий, пахло теплыми булочками с корицей.

– Вам кофе взять, Елена Васильевна?

А она, меню пролистав:

– Закажите мне пива. «Бургонь-де-Фландр». И сами возьмите чего-нибудь, не стесняйтесь. Я вижу, вы есть хотите.

– С чего вы взяли?

– Вы меню оттолкнули, а сами по чужим столам так и зыркаете. И ноздри... Они у вас раздуваются. Вы запахи поедаете.

Ну, раз пошла такая пьянка... Я заказал себе обед и тоже взял пива. Обычного. «Степан Разин». Мне пиво принесли в высоком стакане, как положено, а Елене – в круглом бокале на высокой тонкой ножке. Манерно. И было оно, Еленино пиво, такого теплого темно-янтарного цвета, как чуть пережаренный леденцовый петушок на палочке. Мне даже почудился запах жженого сахара. И пена плотная, но невысокая, как слой глазури на тульском прянике. Такое очень женское,

женственное пиво.

Она подняла свой бокал на просвет перед окном. И карамельный янтарь в момент стал багровым. В самой сердцевине заворочался жидкий рубин. Живой. Сочный, как губы Елены. Он шевелил короткими золотистыми щупальцами, будто пытался вынырнуть на поверхность. Но багровая бездна, сжатая хрупким стеклом бокала, не отпускала его, давила, держала.

– Элка, она почему из дома на ночь глядя ушла? Они опять с Сережей полаялись. Даже подрались, кажется. Я не видела. Я в десять часов в свою комнату ухожу, и дальше, хоть они изорись, хоть всю квартиру развали, я не выйду. Они часто шумели по вечерам, соседи жаловаться устали. А что мне-то жаловаться? Я давно сказала: «Мешают – вызывайте полицию». Вот они пересобачились, и Элка ушла в свою каморку ночевать. Она так делала нередко, обидится – и уйдет до утра. А утром вернется. И как ни в чем не бывало оба-два сидят на кухне, пивком похмеляются.

Елена пригубила свое пиво. Именно пригубила, по-другому не скажешь. Там и не ubyло ничуть. Слизнула плотную пенку с верхней губы. Поставила бокал, навалилась локтями на стол:

– Вряд ли я вам чем-то помогу. Какой смысл теперь про Элку рассказывать? Ее нет больше. Она и раньше никому, кроме Сережки, была не нужна, а теперь тем более.

Она помолчала, покрутила свой бокал, разбрызгивая ян-

тарные лучики по сторонам, чуть оттолкнула его от себя.

– Вы думаете, алкоголики любить не умеют? Умеют. Элка, она добрая была. Да, пила – не просыхала, материлась как извозчик, дралась даже. Не со мной, нет, она меня любила. Бывало, отправит Сережу баки мусорные к машине вывозить, а сама в магазин метнется и мне пирожное принесет, корзиночку или картошку. Одно пирожное. Для меня специально. Это если они накануне опять буянили. «Ешь, – говорит, – ешь, Ленка, вкусняшка же. Ешь, пока Серега не пришел». А я ей: «А давай чайку и вкусняшку пополювам». Сережка маленький так говорил: «Пополовам». Сядем и чаю с половинками пирожного попьем. И Сережу она любила. Как умела, так и любила, вон шарфик ему на день рождения подарила. Зенитовский, голубой. Он за «Зенит» болеет. «Теперь ты у меня совсем красавец, – говорит, – как Ален Делон».

Она сказала «шарфик», и губы ее искривились, полезли правым краем вверх, и туда же поползло, зазмеилось толстым удавом это слово: «Ш-ш-ша-арф-фи-и-ик».

Она помолчала, еще раз поднесла бокал к губам. Я слушал. На тарелке передо мной остывала котлета.

Елена

Царица ночи

Сажу над бокалом «Бургони», рассказываю этому мальчику про Элку. Он слушает. Вынюхивает. Вон ноздри шевелятся. Информацию по крупинкам отсеивает из моих слов. Как старатель, вымывает золотишки из песка. Молодец. Хороший следователь должен это уметь. Хотя рассказать мне особо нечего.

Вы знаете, что она была – как это называется, «девочка из хорошей семьи»? Элла Яновна Валевская... Помните, в Питере был магазин «Пани Валевска»? Парфюм и косметика из Польши? Хотя откуда вам помнить, это в старое время было. Представляете, Элка – пани Валевска? В ней эту пани не разглядеть уж было. Была, да вся вышла. Асимметричный дуализм языкового знака. Как бы это вам попроще? Вот слово, то есть языковой знак. А вот предмет или явление, этим словом называемое. И вот сначала были они тождественны. И всем все было понятно. Смотришь на молодую оперную певичку в блестящем платье и сразу чувствуешь: вот это и есть «Элла Валевская». А потом предмет изменился, а его название – нет. И стали они друг на друга не похожи. «Элла Валевская» осталась, а вместо красотки-певички подсовывают нам толстую пьяную криворожую бабищу в застиранных

спортивках – не стыкуется одно с другим. Когнитивный диссонанс. По мозгам – как железякой по стеклу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.